

СОБЕСЕДНИК

Алексей Владимирович Волынцев создал в Соликамске филиал Пермского «Мемориала» ещё в 2005-м году. И сразу динамично взялся за работу. Именно в те годы как результат сотрудничества с Соликамской городской организацией российских немцев «Возрождение» в городском сквере появился памятник жертвам политических репрессий, на северном кладбище – поклонный крест умершим на соликамской земле репрессированным латышам, начались активные встречи со школьниками и молодежью...

Но жизнь повернулась так, что Алексею Волынцеву пришлось почти на десять лет отойти от этой работы. Казалось бы, за это время можно остыть, не возвращаться к непростым хлопотным обязанностям и заботам. Ан нет: вернувшись в Соликамск, он снова встал у руля филиала.

– **Алексей Владимирович, давайте вспомним: с чего всё началось?**

– Результативной работе с самого начала способствовало создание дружной команды. Мы с первых дней активно взаимодействовали с территориальным отделом Министерства социального развития: совместно добились признания статуса репрессированных с соответствующими льготами для многих жителей Соликамска и Соликамского района. С обществом «Возрождение», руководил которым тогда почётный гражданин Соликамска, видный деятель национального движения русских немцев Эдвин Александрович Гриб, сплавились от Сурмога до Сима – мест заключения репрессированных со всего Советского Союза. Во время этих сплавов разговаривали со старожилами, пополняя рассказы и новыми фактами историю этого периода. Вместе вели большую поисковую работу, выступали в образовательных учреждениях. Одним из главных наших достижений стала установка памятника жертвам репрессий – «Камня слёз и плача».

С тех пор не только в скорбную дату 30 октября здесь собираются потомки незаконно осуждённых... Цветы к памятнику несут постоянно. Сейчас, к слову, сквер реконструировали, установили скамейки, положили плитку, облагородили ландшафт – и территория заметно преобразилась. Не раз наблюдал, как молодые, отдыхая здесь, подходят к памятнику, читают надпись...

– **А ведь вы, помните, сожалели, что новое поколение недостаточно знакомо с этой темой...**

– В своё время наше отделение взяло на себя и некие «воспитательные» функции: мы, например, стали не просто частыми гостями, а старшими товарищами для детей из интерната. О многом разговаривали... В том числе рассказывали и о страшных годах репрессий.

Сейчас, я уверен, действительно необходимо снова активизировать эту нашу работу. Нередко в разговоре со старшеклассниками, студентами наталкиваешься на непонимание: многие трагические моменты нашей недавней истории зачастую трактуются искажённо.

Но радует, что есть ребята, которые не просто «в теме»: пишут исследовательские работы о репрессированных, находят новые имена, рассказывают о своих дедах и прадедах, бабушках и прабабушках... На мероприятиях в День жертв политических репрессий я всегда с радостью отмечаю: для них это не «обяза-

АЛЕКСЕЙ ВОЛЫНЦЕВ:

«СКОРБЛЮ ПО ЭТИМ ЛЮДЯМ, КАК ПО РОДНЫМ»

ловка». В их глазах – живое участие, в их словах – осознание того, что пришлось пережить многим людям, попавшим в жернова массовых арестов, выселений, расстрелов.

Большую работу проводит в нашем городе, в том числе для школьников и студентов, музей компании «Уралкалий», руководит которым Юлия Денисова. А по соликамским экспозициям работала его главный специалист Елена Шерстобитова.

– **Знаю, что в этом музее большая экспозиция посвящена теме жертв политических репрессий, множество документальных раритетов представлено... И не случайно: во-первых, эта «чёрная машина» проехала по жизни и свободе многих первостроителей калийного комбината, в числе которых и первый директор Владимир Цифринович; во-вторых, строили калийный многие ссыльные; в-третьих, именно музей «Уралкалия» глубоко и научно представляет эту трудную тему...**

Алексей Волынцев.

У Камня плача и слёз.

– Да, насколько мне известно, заниматься ею начинала Октябрина Ивановна Гулина, в 1980-е годы возглавлявшая музей. Она нашла немало имён репрессированных, вела постоянную переписку с их родственниками. Продолжила её дело другой руководитель музея – Роза Григорьевна Серебренникова. Она сотрудничала со многими историками страны, выезжая в различные архивы. Тогда Роза Григорьевна вместе с общественником Евгением Витальевичем Смирновым начали взаимодействовать с латвийским фондом «Дети Сибири». В результате обмена информацией им удалось выяснить, что на территории Усольяга в течение июня 1941-го года могли оказаться одновременно до восьмисот латышей, экспатрированных во время присоединения Латвии к СССР. Эти люди были размещены в лагерях Соликамска и Соликамского района – в Усть-Сурмоге, Прижиме, Нижнем Мошеве и других. На это число, восемьсот человек, указывали латвийские источники, проверить их по линии архивов спецслужб представлялось сложным делом. Совершенно новый документ, оказавшийся в распоряжении Розы Григорьевны и Евгения Витальевича спустя 25 лет, – это так называемый «соликамский список» доктора Оскара

Алкса, который был опубликован в латвийской газете «Культура и искусство» в 1989-м году. Алкс, находясь в заключении в Усольяге, лично составил списки погибших земляков – 412 фамилий. Тогда для многих латышей публикация списка стала первой возможностью узнать правду о судьбах своих родных.

Благодаря Розе Григорьевне в музее хранятся личные вещи и документы семьи Владимира Цифриновича, директора калийного комбината; Павла Вульфуса, известного в Союзе музыковеда-историка, фольклориста, который в 1938-м году был арестован и осуждён по статье 58 и отбывал срок в лагере в Мошеве (а затем был художественным руководителем соликамского Дома культуры); известной петербургской актрисы Нины Жеромской, которая отбывала незаслуженное наказание в нашем городе дважды. А перед смертью, уже находясь в Ленинградском доме ветеранов сцены, она пожелала, чтобы её прах захоронили в Соликамске. И сейчас на южном городском кладбище стоит памятник с фотографией и надписью: «Великой артистке Нине Жеромской от благодарных калийщиков». А сколько ещё подобных местных историй – таких, от которых душа леденеет...

Окончание на стр.2

В НОМЕРЕ

Алексей ВОЛЫНЦЕВ:

– В Соликамске есть уникальный музей Уголовно-исполнительной системы. Он расположен в подклете монастырского храма – там, где в 30-е годы прошлого столетия находились камеры для репрессированных. Именно в этих застенках был Варлам Шаламов, о чём рассказывает сегодня мемориальная доска на воротах Свято-Троицкого мужского монастыря. Этот музей – некая реконструкция событий: он находится в одной из бывших камер, за настоящей тяжелой дверью с окошечком, куда подавали еду заключённым, с предметами и обстановкой сообразно страшному времени. В витринах – вещественные экспонаты, на старинных кирпичных стенах – фотографии и информация о тех, кого держали в этих стенах. Архитектор Филипп Тольцинер, художник Александр Ротов, Герой Советского Союза Николай Антонов, поэт-песенник Михаил Танич...

Из интервью руководителя соликамского филиала Пермского «Мемориала»

Стр.2

Александр КАЛИХ:

–...Я спросил у одного мудрого еврея: почему же немалое число наших предков служили Сталину и созданному им политическому режиму? Почему и до сих пор, после всех ударов судьбы, появляются всякие выскочки, пропагандисты, обслуживающие новую власть? Старый еврей махнул рукой:

– У евреев шило в заднице, вот почему. Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

Хочу рассказать об одном таком. Нет, не о чудовище, которых немало породило то время, а о вполне среднем, мало кому известном человеке. Биография его уложилась где-то между послевоенными десятилетиями и нашими двухтысячными...

Из книги «Еврей. Смех и горе» почётного председателя Пермского «Мемориала»

Стр.2-3

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Исследование Ивана Чухина «Интернированная юность» посвящено истории лагеря 517 НКВД СССР (Карелия). В этот лагерь в апреле 1945-го года поступил этап из недавно взятого советскими войсками прусского Инстенбурга (ныне – город Черняховск Калининградской области), абсолютное большинство которого составляли пленные немки: «треть всех заключённых несовершеннолетние, в том числе 25 девочек 14 – 15 лет».

Стр.4

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Отец поэта Алексея Решетова Леонид Решетов, идейный коммунист и талантливый журналист дальневосточной газеты «Тихоокеанская звезда», был расстрелян в 1938-м году как «враг народа». Мать Нина Вадимовна арестована как жена «врага народа» и отправлена в Карагандинский лагерь, а затем в спецпоселение Боровск, рядом с Соликамском. Молодая сорокачетырёхлетняя бабушка Оля осталась в канун войны с внуками-погодками на руках: старшему ещё не было трёх, младшему – двух лет...

Стр.4

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Александра Калиха – автора книги «Еврей. Смех и горе», отрывки из которой мы сегодня публикуем, читатели нашего «Вестника», конечно, знают. Он стоял у истоков создания Пермского краевого отделения общества «Мемориал» и долгие годы был его председателем (сейчас он в статусе почётного председателя).

В ноябре 2019-го года вынужден был переехать в Израиль для лечения обострившегося заболевания. Но и там он не перестал заниматься общественной деятельностью. Вместе с женой Ириной Кизиловой они создали Израильское общество «Мемориал», а при нём – дискуссионный клуб для обсуждения острых для всего гражданского общества тем. 30 октября прошлого года, в День памяти жертв политических репрессий, провели памятную акцию чтения имён репрессированных. Готовят к выпуску израильскую Книгу памяти. А ещё Александр Калих издал здесь свою книгу. Это, скорее всего, раздумья о пережитом за долгие годы сначала в СССР, потом в России, и за совсем короткий период – в Израиле.

ДЕЛО БРОДСКОГО

Я спросил у одного мудрого еврея: почему же немалое число наших предков служили Сталину и созданному им политическому режиму? Почему и до сих пор, после всех ударов судьбы, появляются всякие выскочки, пропагандисты, обслуживающие новую власть?

Старый еврей махнул рукой: – У евреев шило в заднице, вот почему.

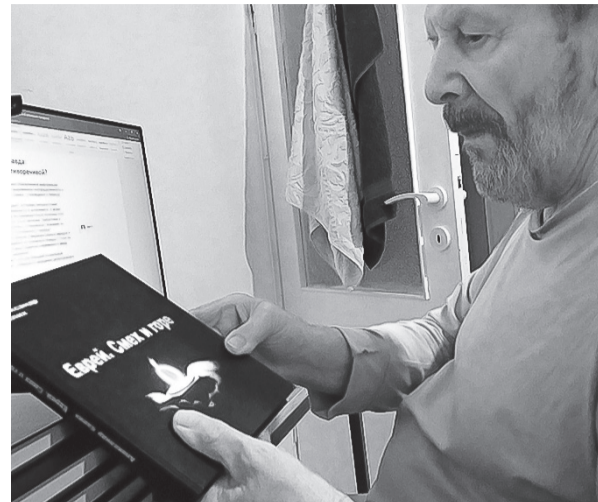
Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

Хочу рассказать об одном таком. Нет, не о чудовище, которых немало породило то время, а о вполне среднем, мало кому известном человеке. Биография его уложилась где-то между послевоенными

Семья. Михаил Александрович и Нина Абрамовна. Сёстры – Фаина и Бела. Автора книги в кадре нет, он снимает. 70-е годы XX века.

Фото из личного архива А.М. Калиха

Александр Калих и его книга.

Фото Ирины Кизиловой

ми десятилетиями и нашими двухтысячными.

...В начале 1953-го года Яков Михайлович Лернер занимал какую-то должность в профкоме Ленинградского технологического института. На пиджаке его всегда красовалось несколько орденов планок. Он охотно рассказывал о своих военных приключениях: как прокладывал Дорогу жизни по Ладожскому озеру во время блокады Ленинграда, как вылавливал немецких диверсантов. Таким его запомнил известный поэт Евгений Рейн, учившийся в том же институте.

В 1964-м году поэт Евгений Рейн работал инженером-механиком на заводе «Вперёд». Однажды его вызвали в отдел кадров. Рядом с заведующим отдела сидел Лернер. Евгению задавали какие-то туманные вопросы. О настроениях, о встречах с иностранцами, о всяких нехороших отношениях. Поспрашивали и отпустили. Евгений так ничего и не понял.

Почему, зачем – стало понятно только потом. Оказывается, Лернер задумал стать инициатором некоей идеологической кампании. За три года до того вышел знаменитый указ о борьбе с тунеядством. Идея заключалась в

том, чтобы найти заведомого тунеядца и провести над ним показательный суд. Хорошо бы провести, с шумом, с гневом общественности. Назвать паразита, ну и самому засветиться. Видимо, Евгений Рейн на роль жертвы не потянул: инженер-механик, работает на заводе, зарплата 110 рублей...

И тогда Лернер нашёл Бродского. Того самого поэта Иосифа Бродского, будущего лауреата Нобелевской премии. До всемирной известности ему было ещё далеко. Стихи Иосифа были известны лишь узкому кругу ценителей, но уже были среди них поклонники, считавшие его гением. Советские же издательства чуяли в нём какое-то неясное бунтарство, а потому на всякий случай «тормозили» его публикации. Чтобы что-то заработать, молодому поэту приходилось перебиваться переводами.

Лернер в это время возглавлял в институте «Гипрошахт» народную дружину. В те давние времена Яков Михайлович, конечно, не имел представления о пиар-технологиях. Но инстинкт вёл его в нужном направлении. Он начал с того, что организовал прессу. 29 ноября 1963-го года в газете «Вечерний Ленинград» вышел фельетон под заголовком

«Окололитературный туннель» сразу за тремя подписями – А. Ионин, Я. Лернер, М. Медведев. Трутнем в фельетоне назвали Иосифа Бродского, «молодого бездельника, севшего на шею трудового народа». Через некоторое время (8 января 1964-го года) в той же газете появилась подборка возмущённых откликов читателей, требовавших наказания презрительному хлебнику. Заголовок был соответствующий – «Тунеядцам не место в нашем городе».

Теперь можно было приступить к делу. Однажды общественность в лице дружинников Лернера задержала тунеядца Иосифа Бродского. Начался суд над поэтом. Несмотря на запрет судьи, весь ход процесса запротоколировала журналистка Фрида Вигдорова. Эта удивительная запись обошла весь мир. Приведу характерный отрывок из стенограммы.

Судья: (Бродскому):

– У вас есть постоянная работа?

Бродский:

– Я думал, что это постоянная работа.

Судья:

– Отвечайте точно!

Бродский:

– Я писал стихи. Я думал,

что они будут напечатаны. Я полагаю...

Судья: – Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?

Бродский: – Я работал. Я писал стихи.

Судья: – Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны. А вообще, какая ваша специализация?

Бродский: – Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: – А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: – Никто. (Без вызова). А кто причислил меня к роду человеческого?

Судья: – А вы учились этому?

Бродский: – Чему?

Судья: – Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: – Я не думал, что это даёт образованием.

Судья: – А чем же?

Бродский: – Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Судья: – Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Судья: – Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Судья: – Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Окончание на стр.3

СОБЕСЕДНИК

Окончание. Начало на стр. 1

– У нас в Соликамске есть необычный музей Уголовно-исполнительной системы. Вы проводите там какие-то мероприятия?

– Нет, только планируем. Но музей действительно уникален – он расположен в подклете монастырского храма – там, где в 30-е годы прошлого столетия находились камеры для репрессированных. Именно в этих застенках был Варлам Шаламов, о чём рассказывает сегодня мемориальная доска на вратах Свято-Троицкого мужского монастыря. Ценно, что этот музей – некая реконструкция событий: он находится в одной из бывших камер, за настоящей тяжёлой дверью с окошечком, куда подавали еду заключённым, с предметами и обстановкой сообразно страшному времени. В витринах –

вещественные экспонаты, на старинных кирпичных стенах – фотографии и информация о тех, кого держали в этих стенах. И за каждым именем – большая история. Архитектор Филипп Тольцинер, благодаря которому в Соликамске появились Дом культуры имени Дзержинского, улица Фрунзе с необычными, на немецкий манер, домиками, реставрирован Троицкий собор, воспитана целая плеяда замечательных архитекторов... Художник Александр Ротов, оформивший тот же Дом культуры, а после отбывания срока написавший множество карикатур, в том числе на «Соликамскую» тему – некоторые подлинники хранятся в нашем краеведческом музее.

Не по своей воле здесь оказались Николай Антонов, позже удостоенный звания Героя Советского Союза, Кукша

Одесский (Ксенофонт Кириллович Величко) и Александр Ильенков – святые новомученики, поэт-песенник Михаил Танич...

Среди экспонатов музея недавно появилась книга «О методах и приёмах разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры», изданная тиражом 300 экземпляров в «Партиздате» ЦК ВКП(б) в 1937 году. В одной из глав рассказывается о разнообразии методов диверсионно-вредительской деятельности, начиная со срыва сроков ремонтных и строительных работ, вывода из строя механизмов, затягивания сроков сева и уборки. Но ведь под наказание в тридцать седьмом шли и те, кто оказался виноватым в плохой погоде, из-за которой случился неурожай, не сохли корма... А в результате им «шили»

диверсионную деятельность. Призывая к бдительности, один из авторов настоятельно рекомендует сообщать, читать, «доносить», если по коммунальной квартире ходят неизвестные люди, ведут «подозрительные» разговоры. А если кому-то что-то послышалось или кто-то что-то не так расслышал? Вот тебе и жизнь «по-соседски».

Великое дело – знакомить с этими свидетельствами как можно больше людей, особенно молодых. Чтобы знали правду.

– Что ещё предстоит сделать, что планируете?

– В планах – поисковая работа, передвижные выставки, встречи с молодёжью с привлечением детей репрессированных (даже на первой встрече мы услышали немало трагических историй семей, попавших в жернова репрессий).

Возможно, примем участие в краевых проектах: к примеру, таких как «По рекам памяти». Это особо ценно для общества: во время коротких по времени исследовательских краеведческих разведок по территории края можно собрать не один материал по истории политических репрессий советского периода, прежде всего – в формате записи «устной» истории. А при посещении мест бывших спецпосёлков и лагерей ГУЛАГа – установить там памятные знаки.

Готовимся почтить память без вины виноватых в День жертв политических репрессий. В этот день у меня возникает такое чувство, что скорблю я по этим людям, как по родным, даже не зная всех имён. Но сердце отзывается на ту боль, которую пришлось им испытать.

Ольга ПРОЗОРОВА

Фото из архива Алексея Волынцева

АЛЕКСЕЙ ВОЛЫНЦЕВ:

«СКОРБЛЮ ПО ЭТИМ ЛЮДЯМ, КАК ПО РОДНЫМ»

вещественные экспонаты, на старинных кирпичных стенах – фотографии и информация о тех, кого держали в этих стенах. И за каждым именем – большая история. Архитектор Филипп Тольцинер, благодаря которому в Соликамске появились Дом культуры имени Дзержинского, улица Фрунзе с необычными, на немецкий манер, домиками, реставрирован Троицкий собор, воспитана целая плеяда замечательных архитекторов... Художник Александр Ротов, оформивший тот же Дом культуры, а после отбывания срока написавший множество карикатур, в том числе на «Соликамскую» тему – некоторые подлинники хранятся в нашем краеведческом музее.

Не по своей воле здесь оказались Николай Антонов, позже удостоенный звания Героя Советского Союза, Кукша

Одесский (Ксенофонт Кириллович Величко) и Александр Ильенков – святые новомученики, поэт-песенник Михаил Танич... Среди экспонатов музея недавно появилась книга «О методах и приёмах разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры», изданная тиражом 300 экземпляров в «Партиздате» ЦК ВКП(б) в 1937 году. В одной из глав рассказывается о разнообразии методов диверсионно-вредительской деятельности, начиная со срыва сроков ремонтных и строительных работ, вывода из строя механизмов, затягивания сроков сева и уборки. Но ведь под наказание в тридцать седьмом шли и те, кто оказался виноватым в плохой погоде, из-за которой случился неурожай, не сохли корма... А в результате им «шили»

диверсионную деятельность. Призывая к бдительности, один из авторов настоятельно рекомендует сообщать, читать, «доносить», если по коммунальной квартире ходят неизвестные люди, ведут «подозрительные» разговоры. А если кому-то что-то послышалось или кто-то что-то не так расслышал? Вот тебе и жизнь «по-соседски».

Великое дело – знакомить с этими свидетельствами как можно больше людей, особенно молодых. Чтобы знали правду.

– Что ещё предстоит сделать, что планируете?

– В планах – поисковая работа, передвижные выставки, встречи с молодёжью с привлечением детей репрессированных (даже на первой встрече мы услышали немало трагических историй семей, попавших в жернова репрессий).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Окончание. Начало на стр. 2

Постановлением народного суда Дзержинского района города Ленинграда от 13 марта 1964-го года Иосиф Бродский за тунеядство был выслан из Ленинграда сроком на пять лет. Не помогли даже ходатайства известных членов Союза писателей СССР.

В 1972-м, в июне, Бродский уехал в США. «А через пару месяцев, – рассказывает Евгений Рейн, – нашу компанию потрясла невероятная новость – Лернера судят. Да-да, судят в народном суде, что на улице Толмачёва в Ленинграде. Судят за многочисленные аферы, воровство, жульничество, самозванство и всё в этом роде.

Я, конечно, пошёл на суд. Лернер сидел на скамье подсудимых. Выяснились невероятные вещи. Он вообще никогда не служил в армии. Часть военного времени провёл в Самарканде, где был завхозом госпиталя. И уже тогда обвинялся в хищении сотен комплектов постельного и личного белья. Лернер и наград никаких никогда не получал. Все его ордена и медали – фальшивки. Он где-то раздобыл чистые наградные листы и попросту заполнял их на своё имя.

Он получил срок, кажется, шесть лет. Напрасно он говорил, что все обвинения, которые ему предъявляют, ничего не значат в сравнении с пользой, которую он приносил государству, участвуя в идеологической борьбе с диссидентством. К этой части его деятельности суд оказался глух, и Яков Михайлович, наконец, сел».

Что-то знакомое чудится мне в Лернере. Может быть, не таких законченных подлецов, но евреев с «шилом в заднице» мне встречать приходилось. Тщеславных, суетливых, жаждущих во что бы то ни стало выделиться, подобраться поближе к власти...

Какой бы народ их не породил, они презираемы порядочными людьми, а своими соплеменниками особенно. Но им наплевать – заняты, страстно увлечены погоней за счастьем, каким они его понимают. И в этой погоне раскрывают все свои недюжинные «таланты». Хитрость, приспособленчество, умение выживать из воздуха времени любую выгоду. Если понадобится, можно и украсть. Если понадобится, – организовать аферу. Или идеологическую кампанию чуть ли не государственного масштаба.

В них как бы заложена отрицательная генетическая память. Как и их предшественники, «идейные» борцы против врагов народа, они легко нащупывают изнанку любой политической системы. И ловко используют её. А если систему отличают закрытость, если она лишь имитирует демократию, если процветают всеобщая озлобленность, доносы, страх перед КГБ-ФСБ, то будьте уверены, Лернеры уже при деле. Всегда на посту. В любые времена.

Иосиф Бродский. 1960-й год.

Фото: uznayvse.ru

Могила Соломона Михоэлса, первого председателя Еврейского антифашистского комитета. Москва. Новое Донское кладбище. Фото из Википедии

ВЕРНИТЕ ЕВРЕЕВ!

Последняя поездка в Одессу. Впечатление грустное. Нет того блеска, что был раньше. Впрочем, готов согласиться: я неправ, «повернут» мозгами в прошлое, а потому необъективен. Что там говорить, этот город я люблю с детства, в нём столько моих уголков, моих воспоминаний... А потому необъективен вдвойне. Но что увидел, то увидел – обычный город, каких много. Он как-то поскуцнел, стал житейским, обыденным.

Одно только утешает. Слава

столицы юмора по-прежнему жива. Миф пережил реальность. Хотя одесситы стараются. Проводят знаменитые юморинки, но, говорят, это уже не тот юмор. Разъехались по свету известные в недавнем прошлом музыканты, писатели, художники, где-то вдалеке ищут счастья члены прославленной на весь СССР команды КВН, знаменитые «Одесские джентльмены». И вообще сегодня евреи не заметны, их осталось около 30-ти тысяч, всего три процента населения Одессы. А ведь ни для кого не секрет – именно они

 г. Лубны, Украина. Мать с двумя детьми на сборном пункте вместе с другими евреями города ожидают казни, 16 октября 1941 г. <https://www.yadvashem.org>

«ЕВРЕЙ. СМЕХ И ГОРЕ»

550-ти тысяч евреев, по переписи 2010-го года – около 157-и тысяч. Еврей скоро станет полезным, но редким ископаемым. По этому поводу поэт Евгений Евтушенко обратился к властям: «Верните евреев!»

К властям:

«Проявите усилие,
Немедля, как можно скорее,
Верните евреев в Россию,
Верните России евреев!

Зовите, покуда не поздно,
На русском ли,
иль на иврите.
Верните нам
«жидо-масонов»
И всех «сионистов» верните.

Пусть даже они на Гаити
И сделались
чёрными кожей.
«Космополитов» верните,
«Врачей-отравителей» тоже...

Верните учёных, поэтов,
Артистов,
кудесников смеха.
И всем объясните при этом:
– Отныне они не помеха.

создавали неповторимый колорит этого города...

Михаил Жванецкий как-то сказал: «Одесситы бывают рассеянными и сосредоточенными». Рассеянные – они рассеяны по всему свету, а сосредоточенные – сосредоточены только в Одессе. Евреев Одессе сегодня остро не хватает. Не хватает их талантов, улыбки, языка, красок, колорита, тембра, музыки. Нет, они звучат, их слышат, но другие люди и в других странах.

То же самое происходит в России. По переписи 1989-го года здесь проживали более

Напротив, нам больше
и не с кем
Россию тащить из болота.
Что им, с головой их
еврейской,
На всех у нас хватит работы.

Когда же Россия воспрянет
С их помощью,
станет всесильной,
Тогда сможем мы,
как и ране,
Спасать от евреев Россию».

Александр КАЛИХ

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

В родительской квартире над маминым письменным столом возвышается стеллаж с книгами под потолок. Отдельная полка – поэзия.

Когда-то давно я наугад вытянула оттуда неизвестный томик стихов. Маленький, скромно оформленный, Пермского книжного издательства. Открыла на случайной странице. Раздался негромкий голос:

– Мы в детстве были много открывенней.
– Что у тебя на завтрак?
– Ничего.
– А у меня хлеб с маслом и вареньем.
Возьми немного хлеба моего...

Года прошли, и мы иными стали, Теперь никто не спросит никого:
– Что у тебя на сердце? Уж не тьма ли?
Возьми немного света моего...

Стихи Алексея Решетова были непохожи ни на какие другие, мне тогда известные – простые, небольшие, легко запоминающиеся. И как капли дождя – светлые и грустные.

Двадцать лет спустя забежала между делами на минутку в нашу районную библиотеку. На полке новинок – книга, на обложке которой фотопортрет с удивительным глубоким взглядом. Посмотришь в такие глаза и... замедляешь привычный бег. Подошла, протянула руку, как доброму давнему знакомому: «Здравствуйте!»

Книга Ксении Гашевой «Решетов» (Издательский центр «Титул», Пермь, 2020) посвящена судьбе и творчеству поэта. Главная особенность – её очень интересно и легко читать. Как автору удалось то, что удаётся далеко не всем, кто пишет литературные биографии?

В самом начале книги Ксения Гашева ставит вопросы, пробуждающие читательский интерес. Почему поэт Алексей Решетов 27 лет работал на березниковской солемельнице? Почему не поступал в Литературный институт? Почему ни разу не побывал в родном Хабаровске? И вот, страница за страницей, в поисках ответов на эти непростые вопросы, автор подробно и увлекательно, как искус-

«ГОРЧЕ И ЯРЧЕ»

О книге Ксении Гашевой «Решетов»

ный рассказчик, разворачивает перед нами события прошедших лет. Оживают на глазах близкие и друзья поэта. Те, кто сыграл особую роль в его судьбе.

Отец, Леонид Решетов, идейный коммунист и талантливый журналист дальневосточной газеты «Тихоокеанская звезда», расстрелянный в 1938-м году как «враг народа». Мать – Нина Вадимовна, арестованная как жена «врага народа» и отправленная в Карагандинский лагерь, а затем в спецпоселение Боровск, рядом с Соликамском. Молодая сорокачетырёхлетняя бабушка Оля, оставшаяся в канун войны с внуками-погодками на руках: старшему ещё не было трёх, младшему – двух лет. История, как она спасла их. Глава о том, как встретились они уже на Урале с Ниной Вадимовной.

Рассказ о непростом выборе для семьи: кому из подростков братьев получать высшее образование, кому – помогать обеспечивать семью. В результате старший брат, Бетал Решетов, уехал учиться в Москву, а младший Алексей, окончив березниковский горнохимический техникум, пошёл работать горным механиком на Березниковский калийный комбинат. Любовь и муза Вера Нестерова. Жена Тамара Катаева. Друзья – Ирина Христовцова, Лев Давыдычев, поэт Виктор Болотов и многие-многие другие.

В таких ярко, мастерски выписанных портретах и ситуациях, не-

избежно отображается время, эпоха, тиски «високосного века». А каждую главу предваряет, словно камертон, стихотворный эпиграф Решетова.

*Мне снится сон: отец приходит,
В снегу колымском с плеч до ног.
И говорит: «Я – враг народа,
Хочу побыть с тобой, сынок».*
Отец, ужели повторится
На ком-нибудь судьба моя?
И мать мне в дочери годится,
Отец годится в сыновья.

Это стихи к десятой главе «Поллярная земля», в ней речь идёт как раз об аресте и расстреле отца, которому на тот момент было всего 27 лет...

Стихи, в которых нет внешнего блеска, лоска, словесного изящества. «Дело не в том, что он не умел писать иначе – играть формой, рифмой, экспериментировать с поэтикой или жанрами – он не желал этого делать», – убеждена Ксения Гашева.

*Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздья – висят.*

*И мать говорит мне:
«Мой мальчик,
Ты помни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».*

Елена КОЛЕСНИЧЕНКО

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИНТЕРНИРОВАННАЯ ЮНОСТЬ

Достаточно много известно об истории массовых репрессий советских граждан в 1930-е – 1950-е годы; рассекречены печальные страницы, связанные с историей «раскулачивания» и депортации «враждебных народов» накануне и в первые месяцы Великой Отечественной. Но до сих пор, несмотря на рассекречивание архивов и монографические исследования, тема интернированных и военнопленных остаётся мало изученной.

Уже в самом начале войны при НКВД СССР было создано особое Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), в функции которого входили учёт, этапирование, распределение и содержание военнопленных. К весне 1945-го года в условиях удачного наступления советских войск и освобождения оккупированных территорий число пленных резко увеличилось. Причём поступали в специализированные лагеря не только пленные солдаты и офицеры вермахта и стран Оси (входящих в нацистский блок), но и гражданское население, признанное «пособниками».

Исследование Ивана Чухина «Интернированная юность» («Мемориал», Москва-Петрозаводск, 1995) посвящено истории лагеря 517 НКВД СССР (Карелия), в который в апреле 1945-го года поступил этап из недавно взятого советскими войсками прусского Инстенбурга (ныне – город Черняховск Калининградской области), абсолютное большинство которого составляли пленные немцы: «треть всех заключённых несовершеннолетние, в том числе 25 девочек 14 – 15 лет».

Автор, опираясь на архивные данные, иллюстрирует картины труда и быта интернированных: «...Вёдер в лагере нет ни одного, и арестованные целыми днями едят снег... В день приезда, 17 апреля, на лесном кладбище появилась первая могила – умерла Маргарита Фризе, 27 лет. На следующий день – двое, 19 апреля – ещё двое... Самой молодой, Хедвиг Черлинских, было 16 лет». Традиционная для советских лагерей эпидемия тифа не миновала и 517-й лагерь: только до конца апреля 1945 года в лагере умерло свыше ста человек. Но, как и многие другие отделения для немецких военнопленных и интернированных, контингент лагеря № 517 отличался «честностью и культурой», отсутствовали кражи, доношительство... Лагерь просуществовал чуть более полугода, в сентябре 1945-го он был расформирован, а оставшийся контингент переведён на строительство разрушенного в годы войны Беломорканала и стройки в городе Соликамске Молотовской (с октября 1957-го года – Пермской) области. Всего за время существования в лагере погиб 181 человек – почти четверть от общей численности заключённых.

Более подробно ознакомиться с содержанием книги можно по ссылке: <http://old.memo.ru/memory/karelia/chapter1.htm>, или обратившись в книжный абонемент Пермского «Мемориала», который открыт для посетителей с понедельника по пятницу с 10.00 до 17.00 часов по адресу г. Пермь, ул. Крупской, 40. О своем визите просим сообщать заранее по тел. (342) 282-54-42, 281-85-59; email: proektmemorial2020@gmail.com. Координатор – Наталья Куликова.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ СЕНТЯБРЯ

Правление Пермского «Мемориала» от души поздравляет юбиляров – мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты

95 лет исполняется Гелию Александровичу Шашмуру из Мотовилихи и Любови Владимировне Прозоровой из Свердловского района Перми.

90-летие отмечают Серафима Терентьевна Бережная из Александровска и Нонна Филипповна Мироненко из Мотовилихинского района.

85-летие празднуют Владимир Николаевич Кетов и Владимир Сергеевич Пономарёв из Мотовилихи, а также Валентина Иосифовна Ашаева из Дзержинского района краевого центра и Мария Николаевна Голубцова из Чайковского.

80 лет исполняется Тамаре Николаевне Колпаковой из Мотовилихинского района Перми.

75 лет справляют сразу одиннадцать мемориальцев, причём восемь из них – из Кировского района краевой столицы. Это Людмила Николаевна Разумова, Иван Петрович Пичкалёв, Тамара Васильевна Мейснер, Виктор Николаевич Самосудов, Валентина Александровна Каменщикова, Галина Николаевна Матыцына, Леонид Алексеевич Можаяев и Нина Нефедьевна Пухарева. А также Владимир Иванович Михеев и Галина Яковлевна Томилова, оба из Добрянки, и Тамара Во-

ронцеевна Маргарян из Мотовилихи.

70-летие отмечает Эльвира Оттовна Хабибуллина из Мотовилихинского района, а ещё Пётр Тихонович Еременко, Мария Степановна Савинова, Светлана Фёдоровна Храмова и Виктор Эвальдович Ширмер – все из Добрянки.

Так получилось, что мы в своё время не поздравили с семидесятилетием Елену Августовну Решке из Кировского района Перми, юбилей которой отмечался в январе, и Нэлли Антоновну Уразаеву из этого же района, которой 70 лет исполнилось в апреле. Поздравляем!

Живите долго и будьте счастливы!

Пермское краевое отделение общества

«Мемориал»

+7 (342) 282-54-42, 281-95-59

Информационный бюллетень Пермского краевого отделения общества «Мемориал»

Редактор Татьяна Черепанова. Редакционная коллегия: Иван Васильев, Дмитрий Окунцев, Роберт Латыпов. Тел. (342) 282-54-42.

Тираж 999 экз. Отпечатано в типографии «Типограф», Россия, 618540, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17. Подписано в печать 20.09.2021 Заказ №60

Все выпуски «Вестника «Мемориала» можно прочитать на сайте Пермского «Мемориала» <http://pmem.ru>

Пермский «Мемориал» НЕ ВКЛЮЧЕН в реестр общественных организаций – «иностранных агентов». Однако поскольку наша организация входит в структуру Международного Мемориала, который включён в данный реестр, то мы в соответствии с новыми требованиями российского законодательства вынуждены маркировать нашу продукцию текстом следующего содержания: «Материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены учредителем, членом, участником, руководителем некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такой некоммерческой организации». Отметим также, что Международный Мемориал не согласен с этим решением Минюста РФ, и оно оспаривается в суде.